

ПОСТСОВЕТСКИЕ ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПОЛИТИКЕ КИТАЯ

© 2019 г. Д. Мальшева

*МАЛЫШЕВА Дина Борисовна, доктор политических наук,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (dsheva@mail.ru).*

Статья поступила в редакцию 04.02.2019.

Основные направления взаимодействия с КНР постсоветских государств Центральной Азии (ЦА) проанализированы в контексте становления Китая как мировой державы, завязавшей тесные контакты с другими странами и регионами мира в рамках своих глобальных проектов. Показано взаимодействие Китая с рядом государств Южной и Юго-Восточной Азии при реализации инициативы “Один пояс, один путь”. Определены интересы Китая в Центрально-Азиатском регионе, выявлены основные сферы взаимного сотрудничества Китая и центральноазиатских государств. Рассмотрены риски, возникающие в ЦА вследствие активной экономической экспансии Китая в сочетании с предоставляемой им помощью развитию. Проанализировано в связи с этим восприятие в ЦА китайского фактора.

Ключевые слова: постсоветская Центральная Азия, Китай, инициатива “Один пояс, один путь”, многовекторная политика.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-101-108

Одна из наиболее заметных тенденций в современном развитии стран постсоветской Центральной Азии – возрастание там роли Китая, который действует по большей части с опорой на свои глобальные проекты – “Экономический пояс Шелкового пути” (ЭПШП), “Морской Шелковый путь XXI века” и “Один пояс, один путь” (ОПОП). Эти проекты, включающие в себя не только транзитно-транспортную составляющую, но и развитие в районах приложения китайских инициатив инфраструктуры, индустрии, торговли, сферы услуг и пр., позволяют странам Центрально-Азиатского региона привлекать столь необходимые для их становления и модернизации инвестиции, а Китаю – расширять в регионе свое экономическое и политическое влияние.

14 мая 2017 г. в Пекине на международном форуме, посвященном упомянутым выше проектам, В. Путин сказал, что “основой для формирования большого евразийского партнерства” способно стать сложение потенциалов таких интеграционных форматов, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), “Один пояс, один путь”, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В то же время, по словам российского президента, инфраструктурные проекты, заявленные в рамках ЕАЭС, и “Один пояс, один путь” могли бы в связке с Северным морским путем “создать принципиально новую транспортную конфигурацию Евразийского континента” [1]. Обращает на себя внимание в этом аспекте включение Китая в фокус перечисленных интеграционных инициатив, при-

званных преобразовать евразийское пространство в новый влиятельный центр мировой политики. Предопределило такое развитие событий то, что Китай, стремительно набиравший последние десятилетия силы, превратился в настоящее время из региональной изолированной страны в мощную экономическую и военную державу.

ИНИЦИАТИВА “ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ” ДЛЯ АЗИИ

На начальном этапе своих экономических и политических реформ Китай позиционировал себя на международной арене исключительно как “развивающаяся страна” и при проведении своего внешнеполитического курса придерживался принципа – “только экономические интересы и никакой политики”. Но постепенно КНР отходит от этого принципа и обращается к значительно более усложненной внешнеполитической стратегии. И вот уже на состоявшемся в Пекине 18–24 октября 2017 г. XIX съезде Коммунистической партии Китая (КПК) Генеральный секретарь ЦК КПК и Председатель КНР Си Цзиньпин в своем докладе называет Китай “великой державой”, констатируя вступление “социализма с китайской спецификой” в новую эру развития [2].

К этому времени Китай стал крупнейшим в мире потребителем природных ресурсов, производителем различных товаров и одним из главных торговых партнеров США. Амбициозный проект КНР ОПОП, воссоздающий идею древнего Шелкового пути, должен, по плану, соединить Китай с десятка-

ми стран Азии, Африки, Ближнего Востока и Европы; он может связать также Китай по магистралям, проложенным через ЦА и Индийский океан, с Персидским заливом и Средиземным морем.

Профессор Сян Ляньсинь¹ определяет инициативу “Пояс и путь” как одно из направлений мировой политики, которое ведет к “поствестфальскому миру, в смысле подлинной экономической евразийской интеграции, разыгранной в XXI в. азиатскими государствами” [3].

С тех пор как Китай презентовал в 2013 г. программу ЭПШП (а затем и инициативу ОПОП), интерес к ней проявили ряд международных финансовых институтов², более 100 стран и международных организаций; 86 стран подписали с Китаем “меморандумы о взаимопонимании” по продвижению инициативы “Пояс и путь”. С ней связывают свои перспективы ЕАЭС, а также некоторые многосторонние проекты и стратегии развития. В их числе – монгольская “*Prairie Road*”, “Светлый путь” Казахстана, “Два коридора и одно кольцо” Вьетнама, “*Saudi Vision 2030*” Саудовской Аравии, турецкая “Средняя инициатива коридора” (которая предлагает связать Китай с Европой через Казахстан, Туркменистан, Каспий и Турцию) и др. Все это позволяет Китаю расширять свои глобальные и региональные позиции. Особенно наглядно это просматривается в регионах Южной и Юго-Восточной Азии (ЮВА).

В Индонезии, являющейся крупнейшей экономикой ЮВА и потому имеющей для Китая особую ценность, поскольку позволяет ему расширять влияние в этом регионе, Китаем с начала 2016 г. ведется строительство высокоскоростной железной дороги. Она свяжет Бандунг с Джакартой и станет важной магистралью ОПОП. Железную дорогу (между Даккой и Джессором) Китай строит и в Бангладеш, в дополнение к проектам, которые финансируются китайскими банками и реализуются силами китайских подрядчиков, – электростанцию в Пайре и автодорожный тоннель, проложенный через находящуюся на юго-востоке Бангладеш реку Карнапхули. В Лаосе Китай строит железную дорогу протяженностью 414 км, которая должна заработать в декабре 2021 г. Не имеющий выхода к морям Непал, присоединившийся в мае 2017 г. к “Поясу и пути”, надеется улучшить транспортную и иную инфраструктуру, получить доступ к новым рынкам и, главное, снизить зависимость

от Индии, введившей против него экономические санкции в 2015 и 2016 гг.

Среди азиатских стран, присоединившихся к ОПОП, оказалась и Шри-Ланка. Стоит напомнить, что это островное государство является наблюдателем в ШОС, куда в качестве государств-членов Китай входит наряду с Индией, Пакистаном и пятью другими государствами (Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан). В декабре 2017 г. правительство Шри-Ланки разрешило китайской компании *China Merchants Port Holdings* взять в аренду на 99 лет глубоководный порт Хамбантота. Это открывает перед Китаем возможности не только для расширения влияния в Индийском океане, но и для обеспечения собственной энергетической безопасности, поскольку значительная часть импортируемой Китаем нефти проходит по пролегающим вблизи этого порта маршрутам.

Наиболее успешно реализуется инициатива ОПОП в Пакистане, отношения с которым (как и с Индией) активно развивают центральноазиатские государства. Начавшиеся в 2013 г. переговоры между Китаем и Пакистаном относительно учреждения Китайско-пакистанского экономического коридора (*China-Pakistan Economic Corridor, CPEC*) завершились в апреле 2015 г. (во время визита Си Цзиньпина в Исламабад) подписанием соглашения. Согласно ему, *CPEC* свяжет сеть железных и автомобильных дорог, газо- и нефтепроводов город Кашгар в Синьцзян-Уйгурском автономном районе с расположенным на побережье Аравийского моря глубоководным портом Гвадар в пакистанской провинции Белуджистан. В конце 2015 г. Пакистан передал Гвадар китайской компании *China Overseas Port Holding* в аренду на 43 года для создания особой экономической зоны. Для Пакистана, который испытывал серьезные экономические трудности, в том числе и по причине сокращения с 2009 г. американской помощи, благом оказалось выделение Китаем на реализацию инфраструктурного проекта *CPEC*, общая стоимость которого оценивается в 45–46 млрд долл., значительного объема финансовых ресурсов в виде кредитов, инвестиций, грантов (предположительно 60 млрд долл.) [4, р. 4]. Больше половины их объема Китай намерен вложить в развитие производства электроэнергии и электрораспределительных сетей в Пакистане.

Не смогли помешать продвижению китайских проектов в Азии и существующие в регионе сложные межгосударственные противоречия, возникающие вокруг вопросов контроля над территориями, распределения сфер влияния между различными государствами и объединениями и т.п. Например, в отличающихся своеобразием отношениях в треугольнике Китай–Пакистан–Индия

¹ Директор Центра “Один пояс, один путь” в находящемся в Шанхае Китайском национальном институте по международному и юридическому сотрудничеству ШОС (*China National Institute for SCO International Exchange and Juridical Cooperation*).

² Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, китайский Фонд Шелкового пути, Новый банк развития БРИКС.

Пакистан является стратегическим союзником Китая и, одновременно, своего рода противовесом в Южной Азии Индии, с которой у Китая традиционно складываются непростые отношения. Подключение Пакистана и Шри-Ланки к инициативе “Пояс и путь” породило напряженность во взаимодействии Китая с Индией. Последняя возражала против прокладки *СПЕС* по спорным районам Кашмира; недовольство Индии вызвало и появление Китая на Шри-Ланке, которую официальный Дели включил в зону своего политического и экономического влияния. Но, по всей видимости, экономические интересы берут верх, и Индия и Китай пытаются теперь после длительного периода напряженности смягчить ее.

Примечательно, что интерес к *СПЕС*, который китайские аналитики называют «флагманом “Пояса и пути”» [5], обнаруживается и у России, рассматривающей этот проект сквозь призму его возможностей стать связующим звеном между Транссибирской магистралью и портом Гвадар [6, с. 8]. В 2017 г. о своем желании присоединиться к *СПЕС* заявил и Афганистан: годом ранее он подписал с Китаем, одним из крупнейших иностранных инвесторов этого проекта, меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в рамках инициативы “Пояс и путь”. Афганское правительство надеется с помощью данных проектов преодолеть существующие в стране экономические дисбалансы.

Но Китай, помимо продвижения в Азии своих экономических интересов, занимают и проблемы обеспечения региональной безопасности. Обращают на себя внимание в связи с этим сообщения СМИ о намерениях Китая крепить сотрудничество в сфере обороны с Пакистаном, а также с Афганистаном. Так, представители Народно-освободительной армии Китая провели 18 декабря 2017 г. переговоры с пакистанскими военными в портовом городе Дживани (расположен недалеко от Гвадара и вблизи иранской границы в Оманском заливе) относительно создания в Дживани военной базы КНР [7]. Если эти планы реализуются, то Дживани станет второй иностранной базой Китая в дополнение к уже существующему в Джибути (Африканский Рог) пункту материально-технического обеспечения китайских ВМС, являющегося по существу военной базой. Последняя, как было официально объявлено Пекином, предназначена для более эффективного выполнения международных обязательств – таких, как сопровождение миссий в Аденском заливе и водах у сомалийского побережья, а также для оказания гуманитарной помощи [8]. Фактически же Китай получает возможность контролировать проход нефтяных танкеров в Баб-эль-Мандебском проливе Красного моря, который, наряду с Суэцким каналом и Ормузским

проливом, служит стратегически важным морским путем из Европы в страны Азии.

Военный интерес Китай проявляет и к Афганистану, где Пекин поддерживает контакты с “Талибаном”³, ставшим, по заявлению посла КНР в Пакистане Яо Цзина, “политической силой” и “частью афганского политического процесса” [9]. Свидетельством намерений Китая контролировать ситуацию в Афганистане и отражать террористическую угрозу стали поступающие с начала 2018 г. сообщения о планах Китая закрепить в Ваханском коридоре (Бадахшан) Афганистана, где китайские и афганские войска якобы уже проводят совместное патрулирование [10]. Для правительств стран Центральной Азии возможное военное присутствие Китая в Бадахшане является знаком готовности Китая взять на себя большую ответственность за поддержание безопасности в регионе.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ – КИТАЙ: СФЕРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА

Притягательность государств ЦА как рынков сбыта китайских товаров, заинтересованность КНР в центральноазиатских энергоресурсах, готовность вкладывать инвестиции в разработку и транспортировку из ЦА углеводородов, потенциальные возможности территорий центральноазиатских стран как транзитных коридоров для поставок товаров в Европу, развития бизнеса и коммуникаций – вот факторы, которые обусловили привлекательность стран ЦА для Китая.

Что касается политической стратегии Китая в Центральной Азии, то эта стратегия формируется Пекином на основании осознания вызовов собственной национальной безопасности: для КНР мирное развитие пяти республик постсоветской ЦА напрямую связано с проблемой поддержания стабильности в беспокойном китайском Синьцзяне. И в аспекте предотвращения дестабилизации значимая роль отводится Китаем ШОС – многонациональной организации, фокусирующейся на региональной безопасности и открывающей для него широкое поле деятельности не только в международно-политическом плане, но и с точки зрения возможностей по продвижению программ “Экономического пояса Шелкового пути” и инициативы ОПОП.

Китай стремится переориентировать их на ЦА и Россию как на запасные сухопутные пути. Ибо Малаккский пролив, через который ведется основная часть китайской торговли, находится под

³ Деятельность этой международной организации запрещена в РФ.

постоянной угрозой блокирования морским флотом США: между американцами и их союзниками, с одной стороны, и Китаем, с другой, сохраняется напряженность, готовая в любой момент перерасти в острую конфронтацию. «Необходимо учитывать, что осуществление “Морского Шелкового пути”, – подчеркивает известный казахстанский ученый Б.К. Султанов, – противоречит интересам США и их союзников в АТР – Японии, Южной Кореи, Австралии, Филиппин и поэтому с самого начала встретит сопротивление ... Для Пекина наиболее реалистичным является осуществление именно сухопутного ЭПШП, который стартует через территорию дружественных по отношению к Китаю государств – членов ШОС, в первую очередь Казахстана» [11, с. 6].

Примечательно, что именно в столице Казахстана Астане Си Цзиньпин впервые объявил 7 сентября 2013 г. о планах “Пояса и пути”. Сам Казахстан стал одним из важнейших торгово-экономических партнеров КНР: доля его товарооборота с ней составила, по некоторым данным, свыше 12% всего объема внешнеторгового оборота [12], а на долю китайских компаний пришлось 20–25% нефтедобычи – немногим меньше, чем на долю казахстанской национальной нефтяной компании “КазМунайГаз” [13].

Сотрудничество с Китаем осуществляется Казахстаном в рамках запущенной с 2015 г. государственной программы инновационного развития “Нурлы жол” (Светлый путь), которая завершается в 2019 г. Эта программа, которая призвана поддержать отдельные сектора экономики в условиях ухудшения конъюнктуры на внешних рынках, как и программа “Казахстан-2050”, сопряжена с китайской инициативой ЭПШП, что позволяет Казахстану активно привлекать кредитные средства из КНР. В дополнение к этому в Астане рассматривают на то, что подписанное в августе 2015 г. с Пекином “Межправительственное рамочное соглашение о сотрудничестве в области производственных мощностей и инвестиций” станет определенным ускорителем возрождения промышленного потенциала республики.

На основании подписанного 4 марта 2005 г. Казахстаном и Китаем межправительственного соглашения на китайско-казахстанской границе создана сухопутная альтернатива морским логистическим хабам – “Международный центр приграничного сотрудничества Хоргос”. Он дополнен (в соответствии с Указом Президента Н. Назарбаева за № 87 от 29 ноября 2011 г.) образованной на территории Алматинской области специальной экономической зоной “Хоргос – Восточные ворота”. Оба стратегических объекта, с одной стороны, повышают экспортно-транзитный потенциал Казахста-

на и содействуют его экономическому развитию, с другой – помогают Китаю быстрее встраиваться в транзитный коридор, пролегающий через Центральную Азию из Юго-Восточной Азии в Европу.

Большое значение Китай придает укреплению стратегического партнерства с другим крупным центральноазиатским государством – Узбекистаном. С ним КНР расширяет многоплановое сотрудничество по многим направлениям, чему способствует недавно установленный между двумя государствами режим наибольшего благоприятствования. В итоге среди партнеров Узбекистана Китай занял первое место по объему торговли. В 2018 г. из общей суммы товарооборота Узбекистана в 33.8 млрд долл. на торговлю с Китаем пришлось свыше 6 млрд, что значительно превышает показатели 2016 г. (2 млрд долл.) [14]. Активно развивается узбекистанско-китайское сотрудничество в энергетической сфере: по территории республики проходят все четыре ветки газопровода Центральная Азия–Китай, мощность которого (80 млрд куб. м в год) формируется, в том числе и за счет 10 млрд куб. м узбекского природного газа [15]. Если в Узбекистане удастся реализовать хотя бы часть намеченных экономических преобразований, то тогда эта центральноазиатская республика – в силу своего ресурсного потенциала, емкости рынка, демографического фактора – может оказаться для Китая привлекательнее, чем Казахстан, который остается пока китайским приоритетом в ЦА.

Что касается трех других республик региона – Туркменистана, Кыргызстана и Таджикистана, то Китай и там занял доминирующие позиции по ряду экономических и финансовых показателей.

Туркменистан, обладающий четвертыми по величине запасами газа в мире, стал главным центральноазиатским экспортером газа в Китай. По подсчетам экспертов, в основном за счет поставки газа доля КНР в экспорте Туркменистана составила почти 70%: в одном только 2017 г. Туркменистан поставил в Китай в общей сложности свыше 30 млрд куб. м газа [16]. Участвует Туркменистан и в разрабатываемых Китаем транспортно-логистических проектах по железнодорожному коридору Казахстан–Туркменистан–Иран. Нарастить объемы экспорта в Китай Ашхабад надеется по завершении строительства железной дороги Туркменистан–Афганистан–Таджикистан: часть этой дороги построена на территории Туркменистана еще в ноябре 2016 г. Фактически Китай, во многом благодаря проложенному главным образом на его кредиты и открытому в 2009 г. газопроводу Центральная Азия–Китай, заменил в Туркмении Газпром, который раньше был основным покупателем туркменского газа. Однако Туркменистан, набравший

у Китая огромные кредиты, в том числе и на разведку и обустройство газового месторождения Галкыныш, оказался в настоящее время в очень уязвимом положении, что уже серьезно сказывается на экономике этой центральноазиатской страны.

Кыргызстан, являющийся относительно бедной страной, участвуя в инфраструктурных проектах, финансируемых Китаем⁴, также попадает во все большую экономическую зависимость от Китая. По данным американского исследовательского Центра глобального развития (*Center for global development*), 40% внешнего долга Кыргызстана, или почти 1.5 млрд долл., приходится на Экспортно-импортный банк Китая (*The Export-Import Bank of China*) [17, pp. 16-17]. Дошло до того, что министр финансов Кыргызстана Адылбек Касымалиев в 2018 г. предложил даже не брать впредь кредиты у названного банка [18].

Таджикистан, для которого Китай стал за истекшее десятилетие главным финансовым донором, тоже превратился в китайского должника. По данным казахстанского ученого К. Сыроежкина, 56% общего объема внешнего долга Таджикистана приходится на Китай [19], а по расчетам за 2007–2016 гг. американских исследователей – 80% [17, p. 17]. Китай занимает первое место по объему вложенных в экономику Таджикистана прямых иностранных инвестиций. Таким образом, Китай сумел обойти Россию, которая являлась главным инвестором Таджикистана со времени обретения этой республикой независимости. Китай вкладывает средства в Таджикистане в разработку полезных ископаемых (компания *TBEA* в золотодобычу в Согдийской области), в газотранспортную сеть (линия Д газопровода Центральная Азия–Китай), в электроэнергетику (ТЭЦ “Душанбе-2”) и гидроэнергетику. Что касается последней, то Китаем с недавних пор рассматриваются возможности вложения средств в строительство Рогунской ГЭС – крупного регионального проекта, одобренного Мировым банком и вызывающего интерес Афганистана и Пакистана, являющихся, как известно, партнерами Китая.

Новацией стало вовлечение Китая в поддержание безопасности Таджикистана, находящегося на переднем крае соприкосновения с беспокойным Афганистаном. Так, Международная кризисная группа (*International Crisis Group*)⁵ сообщает о некоем китайском укрепленном объекте в селе Шаймак у границы с Синьцзяном и Ваханским коридором – высокогорной долиной в Афганистане,

разделяющей Таджикистан и Пакистан, указывая на этот объект как на “совместный контртеррористический центр”, где располагаются также и таджикские силы [20, p. 8].

С аналогичной ситуацией, в которой оказались Кыргызстан, Туркменистан и Таджикистан, превратившиеся вследствие тесной экономической привязки к Китаю в его крупных должников, может столкнуться и Казахстан, уже приблизившийся к критической отметке. Испытывают схожие трудности и другие азиатские страны, присоединившиеся к инициативе ОПОП, что побуждает пересматривать свое участие в ней некоторых из них (например, Малайзию, отменившую в 2018 г. несколько крупных проектов с китайским финансированием).

ВОСПРИЯТИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КИТАЙСКОГО ФАКТОРА

Вследствие снижающегося интереса ЕС и США к Центрально-Азиатскому региону, падения цен на сырье⁶ и продолжающегося из-за санкций Запада экономического спада в России, центральноазиатские государства, остро нуждающиеся в иностранной помощи развитию, вынуждены, чтобы остаться на плаву, продолжать привлекать китайские инвестиции и дотации, втягиваясь одновременно и в реализацию китайских проектов. Помимо экономических предпочтений, Китай привлекает страны региона и своей политической стратегией: он, в отличие от стран Запада, с которыми центральноазиатские государства, впрочем, также стремятся развивать сотрудничество, не вмешивается во внутренние дела других стран, не поднимает тему нарушений прав человека, становясь, таким образом, для государств ЦА удобным внешнеполитическим партнером.

Следовательно, в ЦА экономический и политический интерес играет существенную роль в позитивной оценке китайского фактора значительной частью политической элиты и представителей деловых кругов, полагающих, что без привлечения иностранных инвестиций, использования зарубежных практик и технологий государства региона не могут рассчитывать на качественное развитие либо улучшение социально-экономической ситуации.

Вместе с тем было бы преувеличением считать, что в странах ЦА власть и общество достигли консенсуса в вопросе восприятия Китая и его политики по отношению к странам региона. Но если центральноазиатские элиты рассматривают Китай по преимуществу как важного экономического и политического партнера, то в массовом сознании китайский фактор нередко предстает как угроза.

⁶ Это сказывается на темпах экономического роста центральноазиатских стран – как энергоэкспортеров, так и импортеров.

⁴ Строительство гидроэлектростанций, железной дороги Китай–Кыргызстан–Узбекистан, газовой магистрали Центральная Азия–Китай и др.

⁵ Неправительственная экспертная организация со штаб-квартирой в Брюсселе.

Что касается Туркменистана, то вследствие его самоизоляции, а также закрытого характера политической системы, не представляется возможным судить о царящих в народе настроениях, вызываемых Китаем. Другому центральноазиатскому государству – Узбекистану удастся пока, в отличие от других стран региона, избежать сильной экономической зависимости от Китая благодаря, в том числе, тому, что Ташкент умело уравнивает китайское экономическое влияние наращиванием сотрудничества с другими международными игроками. Среди них видное место стало принадлежать другой растущей азиатской державе – Индии, которую 17–18 января 2019 г. посетил с рабочим визитом президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев [21]. Но вот в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане антикитайские настроения, крайним проявлением которых становится синофобия, весьма заметны.

Они обусловлены рядом обстоятельств.

Во-первых, – настороженностью к самой стратегии Китая, оставшейся непроясненностью в массовом сознании и в представлениях части экспертного сообщества (особенно казахстанского) целей, которые Китай ставит перед собой в ЦА. Хотя с момента выдвижения Си Цзиньпином в сентябре 2013 г. тезиса о формировании “Экономического пояса Шелкового пути” эта инициатива претерпела немало обновлений, ее контуры и целевые установки туманны. Мало того, непрозрачность значительной части заключаемых властями сделок трактуется многими в ЦА как угроза для суверенитета государств, поскольку основные объемы кредитов Китай выделяет под государственные гарантии. Специфика же предоставляемых Китаем займов такова, что, хотя страны, где осуществляются китайские проекты, получают кредиты на достаточно простых условиях, реализуют эти проекты китайские компании и китайская рабочая сила. Ситуация, при которой государство, приобретаая созданные китайцами объекты инфраструктуры, оказываются в многомиллионных долгах у Китая, способна привести не только к экономической, но и политической зависимости.

Неудивительными тогда становятся распрстраняющиеся в странах ЦА следующие критические суждения. Главная задача инициативы “Пояс и путь” – поддержка китайской экономики и модернизация западных регионов Китая. Содействие развитию экономик центральноазиатских государств не является его первоочередной целью. Китай вообще не склонен воспринимать экономики стран ЦА как равные себе, рассматривая последние лишь как рынки сбыта китайских товаров, источники природных ресурсов, удобные транзитные территории.

Во-вторых, антикитайские настроения базируются в ЦА на убеждении, что Китай – по ана-

логии с Азией и другими регионами мира – стал применять в отношении отдельных стран ЦА тактику “инвестиции в обмен на активы”. В новейшее время территориальными уступками Китаю отметились Казахстан (особенно в 1997–2003 гг.), а также Кыргызстан и Таджикистан. Так что, наряду с серьезной озабоченностью высокой долговой зависимостью государств региона от китайских денежных вливаний и грантов, возникли опасения, что правящие элиты продолжают расплачиваться государственными территориями и месторождениями в счет погашения долгов. Это вызывает возмущение населения, тем более что китайских инвестиций оказывается недостаточно для поддержания стабильности в этих государствах. Ситуация усугублена тем известным обстоятельством, что у Китая территориальные претензии (часто официально не декларируемые) есть ко всем своим соседям, не только к центральноазиатским.

В-третьих, территориальная проблема остро сопряжена в ЦА с водным дефицитом. Противоречия тут имеются с Китаем, в частности, у Казахстана в связи с совместным использованием водных ресурсов трансграничных рек Или, Иртыша, Талима и других. Отягощает эту проблему становящееся неизменным спутником всех китайских проектов неблагоприятие в экологической сфере.

В-четвертых, негативное восприятие китайского фактора в ЦА питается опасениями (зачастую преувеличенными и носящими алармистский характер) относительно “демографической экспансии” Китая, а также тем, что китайская трудовая миграция (следствие избыточности рабочей силы в КНР) создает для ЦА дополнительные проблемы. Так, в Казахстане считают, что численность в стране китайцев – как трудовых мигрантов, так и переселенцев – увеличивается и это грозит ухудшением социально-экономического положения местного населения. В Таджикистане недовольны тем, что китайские инвесторы завозят с родины рабочую силу, а не нанимают ее в Таджикистане, где достаточно остро стоит проблема трудоустройства местного населения: значительная его часть, как известно, направляется в качестве трудовых мигрантов в Россию, Казахстан, другие страны. Так что Китай не только не способствует снижению уровня безработицы в Таджикистане, но, напротив, создает в республике излишнюю напряженность, которая усугублена межнациональными противоречиями. В Кыргызстане антикитайские настроения, считает казахский политолог Досым Сатпаев, вызываются социально-экономическими причинами – требованиями равной оплаты и равных условий труда, сокращения трудовой миграции из Китая, увеличения социальных расходов китайских компаний и т.д. [18].

* * *

Развитие экономического взаимодействия Китая с государствами ЦА может привести к ситуации, когда он, постепенно укрепляя свое присутствие в указанном регионе, выстроит здесь, отталкиваясь от внешнеэкономических интересов местных политических элит, систему собственного доминирования. Нельзя исключать и того, что это создаст предпосылки для переориентации политического и военно-технического взаимодействия стран региона с России на КНР.

Такая шаткая ситуация обусловлена тем, что внутрирегиональные связи между государствами ЦА не приобрели еще устойчивого характера, не сформировали прочной основы для такого внутреннего единства, которое позволило бы безоговорочно считать ЦА политическим и интеграционным целым. В этом кроется в известной мере одна из причин пробуксовки в регионе многих интеграционных проектов. К этому можно добавить, что государства ЦА основные векторы своего развития направляют не на взаимодействие друг с другом, а на внешние силы. Разыгрывая, наряду с российской и западной, китайскую карту, страны ЦА пытаются извлечь максимальную выгоду от частично инициированной ими самими конкурентной геополитической борьбы.

Сегодня государствам ЦА присущи внешнеполитическое лавирование, уход от взятых на себя

обязательств, стремление добиваться внешних кредитов и дотаций в ущерб собственному суверенитету и многое другое, что лежит в основе взятой на вооружение всеми без исключения государствами ЦА “многовекторной стратегии”. Все это не способствует их превращению в полноценных субъектов мировой политики.

Вместо этого создаются благоприятные условия для установления в ЦА внешнего управления — либо Западом, либо Китаем. Мешает “многовекторность” и налаживанию столь необходимого странам ЦА внутрирегионального сотрудничества по целому ряду ключевых вопросов — от охраны границ и поддержания безопасности до торговли и распределения водных ресурсов.

Представляется, что России и центральноазиатским государствам удастся изыскать в будущем возможности для развития и укрепления евразийского интеграционного объединения, причем такое развитие сможет происходить не только на экономической, но и на цивилизационной основе. В будущем такого рода объединение, способное с учетом интересов его участников обеспечить им полноценный экономический рост, может стать и альтернативой, и одновременно равноправным соучастником других интеграционных проектов, включая и те, что инициирует такой мощный глобальный игрок, как Китай.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Международный форум “Один пояс, один путь”*. [International Forum “One Belt, One Way” (In Russ.)] Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54491> (accessed 14.05.2017).
2. Highlights of Xi’s Report to 19th CPC National Congress. *Xinhua*, 18.10.2017. Available at: http://news.xinhuanet.com/english/2017-10/18/c_136688994.htm (accessed 18.10.2017).
3. Escobar P. All under Heaven, China’s Challenge to the Westphalian System. *Asia Times*, 15.01.2019. Available at: https://www.opednews.com/articles/All-under-Heaven-China-s-by-Pepe-Escobar-China-Investment-Corp_China-Politics-History_International-190113-202.html (accessed 10.01.2019).
4. China-Pakistan Economic Corridor: Opportunities and Risks. *Asia Report*, 29.06.2018. Available at: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/pakistan/297-china-pakistan-economic-corridor-opportunities-and-risks> (accessed 08.01.2019).
5. Ruan Zongze. Belt and Road Initiative: A New Frontier for Win-Win Cooperation. *China International Studies*, July/August 2017. Available at: http://www.ciis.org.cn/english/2017-07/21/content_39050638.htm (accessed 21.07.2017).
6. Дисэн Г. Геоэкономика Китая и “новая холодная война”. *Валдайские записки*. ноябрь 2018, № 96, 15 с. [Disian G. Geoekonomika Kitaya i “novaya kholodnaya voyna” [China’s Geo-economics and the “New Cold War”]. *Valday Notes*. November 2018, no. 96. 15 p.]
7. Abi-Habib Maria. China’s ‘Belt and Road’ Plan in Pakistan Takes a Military Turn. *The New York Times*, 19.12.2018. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/12/19/world/asia/pakistan-china-belt-road-military.html> (accessed 28.12.2018).
8. Шпунт А. Операция “Красное море”: новое лицо флота Китая для Ближнего Востока. [Shpunt A. *Operatsiya “Krasnoe more”: novoe litsio flota Kitaya dlya Blizhnego Vostoka* [Operation “Red Sea”: New Faces of the Chinese Navy for the Middle East]. Available at: <https://regnum.ru/news/2538585.html> (accessed 16.12.2018).
9. China Recognizes Afghan Taliban as Political Force. *The Daily Outlook Afghanistan*, 24.01.2019. Available at: http://www.outlookafghanistan.net/national_detail.php?post_id=22800 (accessed 23.01.2019).
10. Blank S.A Chinese Base in Central Asia. *The Central Asia-Caucasus Analyst*, 12.04.2018. Available at: <https://cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13507-a-chinese-base-in-central-asia.html> (accessed 08.10.2018).
11. *Экономический коридор Шелкового пути и Казахстан: состояние и перспективы*. Алматы, Исследовательский институт международного и регионального сотрудничества при Казахстанско-Немецком университете, 2015. 132 с. [*Ekonomicheskii koridor Shelkovogo puti i Kazakhstan: sostoyanie i perspektivy* [The Economic Corridor of the Silk Road and Kazakhstan: Condition and Prospects]. Almaty, Research Institute for International and Regional Cooperation at the Kazakh-German University, 2015. 132 p.]

12. *Центральная Азия: кто одержит победу в геополитической битве?* [Central Asia: Who will Win the Geopolitical Battle? (In Russ.)] Available at: <https://news-front.info/2018/12/10/tsentralnaya-aziya-kto-oderzhit-pobedu-v-geopoliticheskoy-bitve> (accessed 10.12.2018).
13. Оверченко М. Как Китай отвоевывает у России Центральную Азию. *Ведомости*, 25.10.2015. [Overchenko M. Как Китай отвоевывает у России Tsentral'nyuyu Aziyu [How China Conquers Central Asia from Russia]. *Vedomosti*, 25.10.2015.] Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/10/26/614254-kitai-aziyu-rossii> (accessed 16.01.2019).
14. *Во внешнеторговом обороте Узбекистана первое место занял Китай*. [China Ranked First in the Foreign Trade Turnover of Uzbekistan (In Russ.)] Available at: <https://easaily.com/ru/news/2019/01/23/vo-vneshnetorgovom-oborote-uzbekistana-pervoe-mesto-zanyal-kitay> (accessed 23.01.2019).
15. *Узбекистан-2050*. [Uzbekistan-2050 (In Russ.)] Available at: <http://www.ca-portal.ru/article:41184> (accessed 01.03.2018).
16. *За 2017 год Туркмения поставила в Китай свыше 30 млрд кубометров газа*. [In 2017 Turkmenistan Supplied over 30 Billion Cubic Meters of Gas to China (In Russ.)] Available at: <https://easaily.com/ru/news/2018/02/08/za-2017-god-turkmeniya-postavila-v-kitay-svyshe-30-mlrd-kubometrov-gaza> (accessed 08.02.2018).
17. Hurlley J., Morris S., Portelance G. *Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective*. Washington, Center for Global Development, Policy Paper 121, March 2018. 36 p.
18. *Узбекистан и четыре кегли*. [Uzbekistan and Four Pins (In Russ.)] Available at: <https://www.fergana.agency/articles/104150> (accessed 10.01.2019).
19. *Казахский эксперт рассказал о проблемах китайского проекта “Один пояс, один путь”*. [Kazakh Expert Told about the Problems of the Chinese Project “One Belt, One Way” (In Russ.)] Available at: <http://www.ca-irnews.com/ru/latest-news/152-мнение-эксперта/56109-казахский-эксперт-рассказал-о-проблемах-китайского-проекта-“один-пояс-один-путь”> (accessed 13.12.2018).
20. *Rivals for Authority in Tajikistan’s Gorno-Badakhshan*. Available at: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/tajikistan/b87-rivals-authority-tajikistans-gorno-badakhshan> (accessed 10.01.2019).
21. *Узбекистан поможет Индии закрепиться в Центральной Азии*. [Uzbekistan will Help India to Gain a Foothold in Central Asia (In Russ.)]. Available at: <http://casp-geo.ru/uzbekistan-pomozhet-indii-zakrepitsya-v-tsentralnoj-azii> (accessed 01.02.2019).

POST-SOVIET STATES OF CENTRAL ASIA IN CHINA’S POLICIES

(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 5, pp. 101-108)

Received 04.02.2019.

Dina B. MALYSHEVA (dsheva@mail.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The growing role of China is one of the most notable trends in the modern development of the post-Soviet Central Asia. As a world power the PRC has established close contacts with many other countries and regions in the framework of its global projects (“The Silk Road Economic Belt”, “One Belt, One Road” and more). These projects, which include not only a logistic component, but also infrastructure, industry, trade, services, etc. in the regions where Chinese initiatives are applied, allow Central Asian countries to attract investments that are so necessary for their development and modernization. As far as China is concerned, there are opportunities to expand its economic and political influence in the Central Asian region. A number of multilateral projects and development strategies are linked with “Belt and Road”: the pro-Russian “Eurasian Economic Union”, the Mongolian “Prairie Road”, “Nurly Zhol” of Kazakhstan, “Two Corridors and One Ring” of Vietnam, “Vision 2030” of Saudi Arabia, the Turkish “Middle Corridor Initiative” (which suggests linking China to Europe through Kazakhstan, Turkmenistan, the Caspian Sea and Turkey) and other. All this allows the PRC to expand its global and regional positions. This is particularly evident in the regions of South and Southeast Asia. As for the political strategy of China in Central Asia, it is formed by Beijing on the basis of awareness of its national security challenges in the troubled Xinjiang region. Economic and political interests play an important role in positive assessment of the Chinese factor by a significant part of the political elite and representatives of the business community in Central Asian countries, who believe that without attracting foreign investment, using foreign practices and technologies, these states cannot count on qualitative development or improvement of their socio-economic situation. But if the Central Asian elites consider the PRC primarily as an important economic and political partner, in the public perception, the Chinese factor is often presented as a threat. The development of economic cooperation with Central Asian states can lead to a situation where China, gradually strengthening its presence in this post-Soviet region, builds here a system of its own domination. The “multi-vector” approach also hinders the regional cooperation which is so necessary for the Central Asian countries to become equal partners in different integration projects, including those initiated by such a major global player like China.

Keywords: the post-Soviet Central Asia, China, “One Belt, One Road” Initiative, multi-vector policy.

About author:

Dina B. MALYSHEVA, Doctor of Political Sciences, Head of Sector.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-101-108